

и не бывает ли уже и теперь добровольный труд более производителен, чем труд из-за задельной платы? Это вопрос, который требует внимательного изучения; но в то время, как в точных науках даже гораздо менее важные и сложные вопросы решаются лишь после серьезного исследования фактов и их взаимных отношений, - здесь, для того чтобы высказать безапелляционное решение, люди довольствуются одним каким-нибудь фактом, например, неудачей какого-нибудь коммунистического общежития в Америке, не изучая даже действительных причин неудачи. Они поступают, как адвокат, который видит в защитнике противной стороны - не представителя других интересов или взглядов, а просто соперника в ораторском состязании. Если удастся найти, удачный ответ на возражение, то ему решительно все равно, прав ли он по существу дела или нет. Вот почему так медленно подвигается изучение того, что составляет самую основу политической экономии, т. е. условий, наиболее благоприятных тому, чтобы общество получало наибольшее количество полезных продуктов с наименьшей затратой сил. Люди ограничиваются повторением общих мест или же просто отделиваются молчанием на этот основной вопрос.

Такое легкомыслие тем поразительнее, что даже в капиталистической политической экономии уже можно встречать людей, высказывающих под влиянием силы фактов некоторое сомнение той установленной основателями их науки аксиоме, что боязнь голода составляет лучшее средство, чтобы понудить людей к производительному труду. Они начинают замечать, что в производстве играет роль коллективный элемент - работа сообща, - которою слишком пренебрегали до сих пор, но которая играет, может быть, гораздо большую роль, чем перспектива задельной платы. Низкое качество наемного труда, огромная трата человеческих сил во всем современном земледелии и во всей промышленности, быстро растущее число тунеядцев, старающихся в настоящее время взвалить свою работу на плечи других, все яснее и яснее обнаруживающееся отсутствие жизни в производстве - все это наводит раздумье даже на экономистов «классической» школы. Некоторые из них начинают подумывать о том, не ошиблись ли они, построив свои рассуждения на воображаемом существе, преувеличенно дурном, которое руководится исключительно жаждой наживы или заработка? Эта ересь проникает даже в университеты и изредка пробивается даже на страницах сочинений правоверных политико-экономов. Но все это не мешает очень многим социалистическим реформаторам оставаться сторонниками личного вознаграждения за труд - задельной платы, - и они продолжают защищать старую крепость наемного труда, хотя даже сами защитники уже сдают свою крепость камень за камнем.

Итак, эти господа боятся, что народ не будет работать, если только он не будет к этому вынужден голодом. Но разве мы не слышали тех же опасений уже два раза в продолжение жизни нашего поколения: от американских рабовладельцев перед освобождением негров и от русских помещиков перед освобождением крестьян? «Если над негром не стоять с кнутом, он не будет работать», - говорили рабовладельцы. «Если за крестьянином не смотреть, он оставит поля необработанными», - говорили русские крепостники. Эту старую песню французских дворян 1789 года, песню средневековых помещиков, песню старую как мир (ее пели уже при фараонах) мы слышим всякий раз, когда дело идет об уничтожении какой-нибудь несправедливости в человечестве. И всякий раз действительность блистательно опровергает ее. Освобожденный крестьянин 1792 года работал с такой энергией, какой не знали его предки; освобожденные негры работают больше, чем их отцы, едва только они могут заполнить кусок земли; а русский крестьянин,